

ИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САМООРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ СТРУКТУР ВЛАСТИ В ЗАКРЫТЫХ КОЛЛЕКТИВАХ*

П.Д. ТИЩЕНКО

Радикальные изменения, происходящие в России, затрагивают не только формальные структуры власти в политике, экономике и идеологии, но и неформальные, самопроизвольно формирующиеся микросоциальные структуры доминирования и подчинения, особая актуальность которых отмечена для закрытых коллективов (армейских, тюремных, образовательных и др.). В современной ситуации насилие как фактор генезиса неформальных аппаратов власти приобрел особую общественную значимость в связи с явлениями дедовщины в армии, которая трактуется нами не только как социальная девиация, но и как особого рода микросоциальный институт в армейских коллективах, дополняющий официальные структуры доминирования и подчинения.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что в контексте нашего исследовательского проекта феномен армейской дедовщины является лишь социально актуальным поводом и характерным примером для постановки ряда принципиальных философско антропологических проблем. В экстремальной экзистенциальной ситуации внутриармейского закрытого коллектива как в лабораторном эксперименте проявляются некоторые фундаментальные структуры человеческого в человеке, которые в иных условиях скрыты или проявляются в закомуфлированном виде. Центром этих структур рассматривается *власть* как феномен антропологический и уже как следствие этого – политический. Ключевым событием реализации этой власти является преобразование человека гражданского в человека военного. Преобразование из одного состояния в другое. Причем преоб-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины)», грант № 08-03-00590а.

разование болезненное не только в силу злоупотребления властью, но и по сути ее действия. Боль, унижение, насилие являются необходимыми социальными инструментами записи иероглифов власти в теле человека, совершающего переход из одного антропологического состояния в другое. Интенсивность этих инструментов власти, в целостности образующих своеобразную машинерию, варьирует от театрализованных имитаций до уголовно наказуемого садизма. В странах с различными социально-экономическими условиями машинерия власти имеет разную степень цивилизованности. В индустриально развитых странах мы сталкиваемся со смягченными вариантами, в развивающихся (к которым относится и Россия) — с варварски обостренными. Однако степень выраженности насилия не влияет на структурную однородность феноменов самоорганизации власти в малых, более или менее изолированных от других коллективов. Причем однородности как в плане географических различий, так и исторических, а возможно и историко-эволюционных.

По свидетельству этологов и биополитиков, феномены, аналогичные дедовщине, встречаются и в животном мире, в частности в сообществах приматов. Отмечены они и в архаических человеческих сообществах.

Достаточно жестокие ритуалы посвящения в студенты существовали в европейских университетах с момента их образования практически до начала XIX в. Эти неформальные структуры власти могли запрещаться представителями властей, но могли ими поощряться и сохраняться как элементы официальной системы. Например, в английских частных наиболее престижных школах (типа Итона) существовала, поддерживаемая администрацией система «прислуживания» (*fagging*), в рамках которой младшие школьники фактически играли роль слуг для старших. Частые телесные наказания за непослушание или неумелое прислуживание были в порядке вещей. В холодное время года младшие школьники должны были согреть толчки в туалете для старшеклассников. Осуждалось сексуальное насилие, но и оно эпизодически регистрировалось на протяжении всей истории британских частных школ. Система «прислужива-

ния» официально была отменена в Великобритании лишь в начале 80-х годов XX в., но ее реликты в неофициальных порядках школ отмечаются и поныне. Достаточно полно система «прислуживания» сохранилась в созданных британцами африканских и азиатских частных образовательных учреждениях.

В Индии, Пакистане и Шри Ланке британская система «прислуживания» трансформировалась в более жестокую форму, название которой имеет неясную этимологию — «ragging». Лишь в последние годы и только в части индийских штатов эта практика запрещена законом.

В США, по крайней мере со времени Гражданской войны, в армии существует система «запугивания» (hazing) в отношении между старослужащими и новобранцами. К настоящему времени основные ритуалы «запугивания» легализованы и детально канонизированы. Телесные наказания запрещены, но словесные оскорбления и право старослужащих приказать новобранцу выполнить какую-либо работу или физические упражнения остается в силе. Легализация позволила снизить вероятность нанесения серьезного ущерба жизни и здоровью молодых солдат, но не отменила самой инженерии насилия как инструмента вписывания структур власти в тело человека. Различные варианты системы «запугивания» широко распространены в американских школах, спортивных командах, театральных коллективах, компаниях и других более или менее закрытых социальных коллективах.

При всех исторических и географических различиях наблюдаются общие структурные закономерности формирования неформальных институтов власти в закрытых коллективах. К ним относятся следующие моменты: условие относительной изоляции; наличие различных по возрасту групп, систематическое осуществление насилия старших над младшими и повсеместное применение структурно тождественных ритуалов перехода из одного социального статуса в другой. Выраженность насилия и цивилизованность ритуалов варьирует, но их повсеместность указывает на тот факт, что в данном случае мы имеем дело не с какими-то случайными отклонениями, с которыми можно справиться

чисто правовыми методами, но с фундаментальными архетипами генезиса аппаратов власти. Причем эта власть не просто реализуется в возникающих системах доминирования и подчинения, но и входит как формообразующая сила в преобразование человека из одного состояния в другое.

На мой взгляд, возвращение и распространение в современных сообществах архаичных аппаратов формирования власти имеет одной из предпосылок растущую социальную и в каком-то смысле антропологическую мобильность современного человека. В странах (типа России), оказавшихся в ситуации глубочайших социо-политико-экономических преобразований мобильность резко возрастает и усугубляется отсутствием опыта мобильного существования. В свое время Карл Ясперс выделял три состояния общности — массы, публика и народ. «Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ — это нечто субстанциальное и качественное.... Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна и количественна, она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы — она пуста»¹. Публика занимает промежуточное место. «Публика составляет первую стадию на пути превращения народа в массу... Как только народ перестает жить полной жизнью, черпая силы в своем сообществе, возникает множество, составляющее публику, необъятное подобно массе, но воплощающее в себе общественное мнение о духовных ценностях в их свободной конкуренции»². Причем речь идет не просто о множественности индивидов, но и множественности идей, идеологий, самопредставлений, самоидентификаций. В каком-то смысле, структуры народа, публики соответствуют трем формам самоидентичности, которые описала Маргарет Мид. Постфигуративная идентичность характерна для народа. Образ самих себя предсуществует для каждого входящего в мир как традиционно данный. Конфигуративная идентичность характерна для публики. Она актуально производит свою самоидентичность в режиме здесь и теперь. По описанию Ясперса публика почти совпадает с тем, что сегодня обычно называют гражданским обществом. Для массы ее самоидентичность

префигуративна — она существует как неопределенный, открытый к переопределению антропологический проект.

Заимствуя в целом структуру, предложенную Ясперсом, позволю дать ей несколько иную интерпретацию. Превращение народа в массы не может рассматриваться как чисто негативное однонаправленное движение. По сути массы — это социальная форма преобразования одних типов социального общежития в другие. То есть общественное бытие в переходном состоянии. В состоянии кризиса. Нестабильности. Их бесформенность — условие трансформации, но одновременно — потенциал агрессии и насилия. Из массы возникают новые формы публики и народа.

Утеря устойчивых социокультурных характеристик и традиционно данной самоидентичности народа является для массы условием ее преобразования в новую форму. Естественно, что поскольку традиционные факторы социальной самостабилизации и самоорганизации утеряны, то в качестве действующих актуализируются архаичные структуры. В этом смысле сообщество новобранцев является массой как почвой формирования армейской общности. Гражданское общество с его опорой на формальное право играет промежуточную стабилизирующую функцию, обеспечивая там, где его структуры сложились, более цивилизованный переход из одного социального состояния или статуса в другой. В России, как и в других развивающихся странах, отсутствие прокладки гражданского общества (В.С. Библер) предопределяет болезненный характер и варварскую форму ритуалов перехода.

Можно быть уверенным, что в будущем динамичность современных сообществ будет возрастать. Следовательно, будет возрастать в них роль массы как общности в переходном состоянии. Следовательно, будет стремительно шириться распространение архаичных архетипических структур самоорганизации именно в наиболее динамично развивающихся и преобразующихся областях жизни. Стабилизирующим посредником, блокирующим негативные черты этого процесса, являются институты гражданского общества.

Таким образом, ставя задачу философско-антропологического анализа самоорганизации неформальных струк-

тур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины) мы можем иметь в виду некоторые фундаментальные глобальные процессы преобразования человека. Дедовщина — лишь наиболее болезненный и характерный пример.

Описанные выше факты и предположения позволили несколько лет назад группе исследователей из Института философии РАН и Института гуманитарных исследований МОСКУ сформулировать несколько рабочих гипотез, касающихся сущности феномена самоорганизации власти на примере дедовщины в армии и рабочую программу исследования, первые результаты которого сегодня представлены в журнале. Безусловно, эта работа идет не на пустом месте. Нами признается приоритет разработок отечественных ученых (прежде всего С. Белановского, К. Банникова, А. Костинского, С. Марзеевой, К. Подрабинека, В. Примоста). Особенностью нашего подхода является, во-первых, комплексный мультидисциплинарный характер исследования. Нас интересуют следующие аспекты: а) философско-антропологическое истолкование лиминальных процессов трансформации самоидентичности и генезиса власти, включая неформальную мораль; б) конкретно-антропологический анализ структур власти и ритуалов перехода с учетом их исторического генезиса и архетипического значения; в) социологическое исследование структур доминирования и подчинения; г) медико-психологический анализ виртуальных структур трансформации самоидентичности; д) литературоведческое изучение дискурсивных практик представления феномена дедовщины в обществе (ведомственных и официальных документах, прессе, художественной литературе), включая практики самопредставления в аргументах армейских коллективов.

Второй особенностью нашего подхода является использование методологии гуманитарной экспертизы, разрабатываемой с начала 90-х годов XX века группой сотрудников бывшего Института человека РАН (с 2005 г. основная часть сотрудников перешла на работу в Институт философии РАН).

Гуманитарная экспертиза рассматривается как одно из наиболее актуальных направлений философско-антропологических исследований, имеющее свой исток в биоэтике.

Для нее, прежде всего, характерен проблемоцентризм. Идея гуманитарной экспертизы дает один из возможных методологических ответов на проблему дисциплинарной множественности антропологических исследований в данной области. С одной стороны, она воспроизводит методологию этических комитетов для поиска согласованных ответов на острейшие гуманитарные проблемы, порождаемые прогрессом биомедицины и прав человека, а с другой, учитывая невозможность дать окончательный ответ на эти проблемы, создает форум для постоянного обсуждения результатов предложенных решений и их, при необходимости, переопределения.

Примечания

¹ *Ясперс Карл*. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 142 – 143.

² Там же. С. 143.